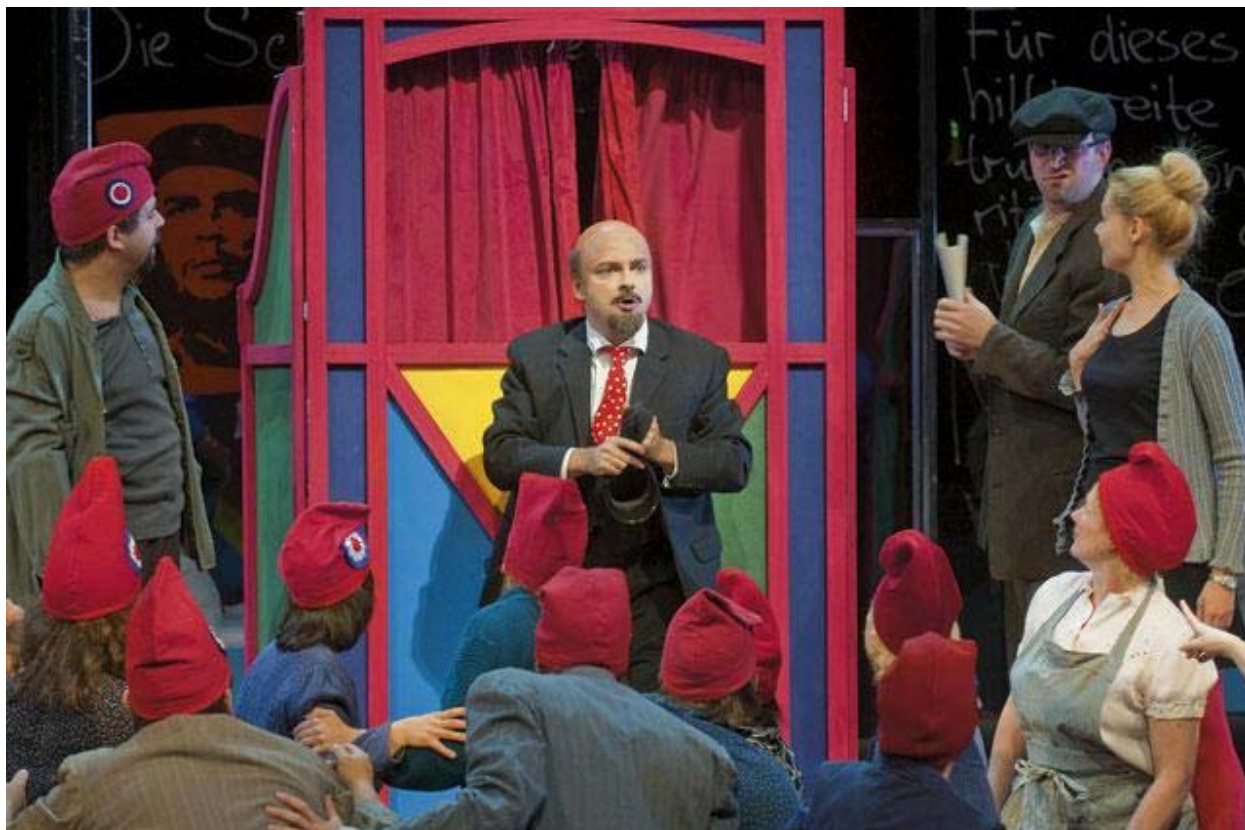

Поющие вместе

Вы слышали, как поют Маркс, Ленин и Роза Люксембург?

Эту оперу ставили разные режиссеры. В «Ла Скала» у Юрия Любимова пролетариат рвался к оркестровой яме, распевая на полном ходу «Манифест коммунистической партии». В постановке Лейпцигского оперного театра у Петера Конвичного пламенная фурия Роза Люксембург речитативом уговаривала беременную работницу сбросить оковы рабского труда и добиться лучших условий для нищей своей жизни. Дальше происходило и вовсе невероятное: сам Владимир Ильич Ленин с бородкой, кепкой и даже фирменной картавинкой устраивался на броневике, чтобы петь с него свою арию «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!». Под портретом команданте Че толпа с заводских задворков превращалась в организованную пролетарскую массу, готовую грамотно бороться за свои права. Неужели все это — опера? Да, опера. Мало того, в наследии итальянского композитора Луиджи Ноно она не самый радикальный опус ни с точки зрения темы, ни с точки зрения художественной ценности.

Вспомнить наследие великого поджигателя москвичи могли на только что прошедшем в столице фестивале современной музыки «Московский форум». Еще с начала 90-х этот фест озаботился представлением новейших направлений серьезной музыки и остался единственным, кто по сей день этим занимается. В год Италии в России устроители — Итальянский институт культуры в Москве, Московская консерватория, ансамбль «Студия новой музыки» — представили молодых академистов двух стран и старшее поколение неформалов. Тут и случились открытия.

В этом легендарном ныне старшем поколении особой фигурой остается композитор Луиджи Ноно. Итальянский носитель вируса нововенской школы авангарда обладал особым обаянием и, кажется, «намагнитил» всех, кто когда-либо с ним общался, биографа и ученика Николу Сани, режиссера Юрия Любимова, руководителя «Студии новой музыки» Владимира Тарнопольского. Семидневный фестиваль долго и тщательно готовили вместе с Фондом Луиджи Ноно в Венеции, но никто ни в Италии, ни в России не мог предположить, как актуальны окажутся ретроспективы. Ведь особой темой стали левацкие убеждения композитора и итальянской интеллигенции его времени. На форуме говорили на тему «Коммунистические утопии в эстетике Луиджи Ноно», презентовали книгу Биргит Вертенсон «Луиджи Ноно и Восток», показывали видеозапись оперы «Под жарким солнцем любви», о работе над которой вспоминал ее постановщик Юрий Любимов. Именно эта опера, мало у нас известная, вобрала все восторги и заблуждения великого утописта Луиджи Ноно.

Компартия Италии в XX веке была самой успешной среди компартий развитых капиталистических стран. Луиджи Ноно стал коммунистом в 1952 году. Его темперамента и убеждений хватало на все: участвовать в демонстрациях, общаться с рабочими, искать звуки для «нового слушателя». В 60-е Ноно написал опус «Освещенная фабрика» по материалам договоров профсоюзов с работодателем, включив в партитуру обработанные фабричные шумы и выкрики рабочих, и сам исполнил его на фабрике в Генуе. К 1975 году закончил оперу «Под жарким солнцем любви». Не обольщайтесь мелодраматичным названием — опера о жизни сирен революции вроде Розы Люксембург и современной итальянской рабочей. А в либретто включены выдержки из текстов Маркса, Ленина, Че Гевары и Кастро.

Архаичное искусство оперы всегда коробили нововведения: испокон века диссонансы оскорбляли вкус, смена декораций вызывала оторопь. Но революционная в прямом смысле опера Ноно попала на сцену в святая святых, цитадель консервативных

правил — миланский театр «Ла Скала». Да еще блеснула советской постановочной командой, в которой, кроме Любимова, были неблагонадежный художник Давид Боровский и опальный хореограф Леонид Якобсон. Дирижировал оперой в то время способный парнишка, в будущем мировая звезда Клаудио Аббадо. Как такое могло случиться?

Дело в том, что после вторжения советских войск в Венгрию в 1956 году и Чехословакию в 1968-м у итальянской компартии начались серьезные разногласия с КПСС, грозившие полным разрывом отношений. ЦК обратил взоры на культуру — контакты в высоких сферах всегда помогали наладить отношения. В 1964 году состоялись первые обширные гастроли классической оперы «Ла Скала» в Москве под личным покровительством Хрущева. Дальше — больше: итальянцы загорелись идеей поставить оперу с цитатами классиков коммунизма. Юрий Любимов свидетельствует: «Это было странное для нас событие. Началось оно с переговоров председателя компартии Италии с нашим дорогим Леонидом Ильичем. Просили прислать меня, а Брежнев говорил: «Мы пришлем тебе хорошего, а этого, плохого, не надо». Это длилось ровно год». В 1972 году с большим скрипом дали визу Луиджи Ноно. «Он приехал с набитой нотами папкой величиной со стол. Расшифровывал мне эту музыку Эдисон Денисов — он играл, орал и стучал по столу в полном соответствии с партитурой, ведь я должен был приехать в Италию уже с идеями». А коренной венецианец с безупречными манерами Луиджи Ноно тем временем распугивал министерских чиновников. «На нем рубашка, галстук, свитер и пиджак. Он толкует про Парижскую коммуну, Маркса, Ленина, бросает на пол галстук, бросает пиджак, бросает свитер — совсем разгорячился». Между тем Москва активно общалась с новым директором «Ла Скала» Паоло Грасси — убежденным леваком, мечтающим привести в оперу меломана-рабочего. Именно он проталкивал новую оперу Ноно. И именно Грасси, похожий на крестного отца с сигарой во рту, впервые в истории советской России подписал контракт на постановку не с Министерством культуры, а лично с артистом Любимовым. Летом 1974 года прошли вторые гастроли «Ла Скала» в Москве. В апреле 1975-го состоялась премьера «Под жарким солнцем любви» в Милане.

О работе в «Ла Скала» у Любимова самые светлые воспоминания. «Мы шутя спорили об идеологии за питьем вина, даже не спорили, а обменивались взглядами на жизнь. В Италии тогда напряженное было время, компартия могла взять власть, но не взяла. Работать нам это не мешало. Ставивший хореографию Якобсон, которого долго не хотели выпускать за границу, на репетиции кивнул на Луиджи: «Мне мало музыки, пускай он допишет». Тот вспыхнул, и ко мне: «Кого ты привез, это наглец или сумасшедший?» Я придумал, что герои должны взмывать к небесам — и только один артист сказал: «Не буду я взмывать, и никто меня не заставит, даже русские диктаторы». Ноно в ответ гаркнул: «Ты трус, а еще мужчина!» Дирижер Клаудио Аббадо однажды заявил, что завтра придет хор 120 человек. Я сначала испугался — что мне с ними делать? — а потом велел хору петь, идя прямыми потоками прямо к авансцене, и его это очень устроило. Все хотели сделать что-то новое и хорошее. Были столкновения, но поворачивалось все не в злобу, не в рукопашную, как бывает у нас, а в юмор. Для итальянцев это нормально — поспорить, а потом поужинать и поболтать». Еще одна цитата: «Я не музыкант, но мне кажется, что звучало все очень хорошо. Понимаете, музыка левая, а звуки прекрасные».

Строго говоря, солнечный идеалист Луиджи Ноно не столько любил коммунизм, сколько ненавидел капитализм и насилие над человеческой свободой. Он и в коллективной памяти либеральной советской интеллигенции, среди которой у него было много друзей, остался исполинского роста много думающим чудачком. Любимов помнит, что Ноно был очень свободный человек, Владимир Тарнопольский — что о звуках, коммунизме и революции он мог говорить бесконечно. Интеллектуал Луиджи Ноно проводил так и оставшуюся неосуществимой прямую связь между новым звуком и новым обществом, предъявляя неподготовленной публике высокие требования. И в нем каким-то образом уживался материалист-марксист и идеалист-ребенок, создавший не просто сенсации, а сочинения мирового значения. Впрочем, он был не единственным.

Хореограф-неоклассик Ролан Пети однажды из эстетических соображений изменил своим правилам и поставил балет по стихам Маяковского с алыми стягами, транспарантами и прочим — и его тут же объявили коммунистом. Либерал, философ и человек мира Морис Бежар представил в своем балете вождя пролетариата Ленина в облике шести разных артистов — и прослыл потенциальным идеологическим врагом. Луиджи Ноно заставил петь арии саму Розу Люксембург и упрятал в оперные речитативы пламенные речи Кастро, став, таким образом, «прогрессивным итальянским композитором». И все это было бы просто забавно, если б временами опусы-бомбы не хотелось поставить заново, сообразно веку на дворе. У оперы «Под жарким солнцем любви» оказалась неплохая сценическая судьба: в промежутке между европейскими уличными беспорядками в июле 2009 года она звучала на Зальцбургском фестивале под управлением Инго Метцмахера, а в октябре того же года — на сцене Лейпцигской оперы. Важно, что все авторы имели право на убеждения, а их сочинения доходили до публики, нравилось это властям или нет.

Лейла Гучмазова